

Алексей Константинович Толстой

Из Козьмы Пруткова

*Часть сборника
Князь Серебряный (сборник)*

Алексей Константинович Толстой Из Козьмы Пруткова

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173876

Князь Серебряный: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-13907-1

Аннотация

«Я недавно приехал в Коринф...

Вот ступени, а вот колоннада!

Я люблю здешних мраморных нимф

И истмийского шум водопада!..»

Содержание

ЭПИГРАММА № 1	10
ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА	11
ИЗ ГЕЙНЕ	12
ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ	13
ОСАДА ПАМБЫ	18
ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК	21
ИЗ ГЕЙНЕ	22
ЗВЕЗДА И БРЮХО	24
К МОЕМУ ПОРТРЕТУ	27
ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО	28

Алексей Константинович Толстой Из Козьмы Пруткова. (Стихи)

* * *

...Здесь есть мебели из карельской березы, семеро детей мал мала меньше, красивая гувернантка, гувернер малого размера, беззаботный отец семейства, бранящий всех и все наподобие тебя, брат его с поваром, готовящие всякий день какие-нибудь новые кушанья, диакон *bon vivant*¹, краснеющий поп, конторщики с усами разных цветов, добрый управитель и злая управительница, скрывающаяся постоянно в своем терему, снигири, подорожники, сороки, волки, похищающие свиней среди бела дня на самом селе, весьма красивые крестьянки, более или менее плутоватые приказчики, рябые и с чистыми лицами, колокол в два пуда, обои, представляющие Венеру на синем фоне с звездами, баня, павлины, индейки, знахари, старухи, слывущие ведьмами, кладбище в сосновом лесу с ледяными сосульками, утром солн-

¹ Человек, любящий пожить в свое удовольствие (франц.).

це, печи, с треском освещающие комнату, старый истопник Павел, бывший прежде молодым человеком, кобзари, слепые, старый настройщик фортепьянов, поющий «Хвала, хвала тебе, герой»² и «Славься сим, Екатерина»³ и «Mon coeur n'est pas pour vous, car il est pour un autre»⁴. Источник цитаты не установлен.», экипаж, называющийся беда на колесах, другой, кажется, называющийся ферзик, старинная карета Елисавет Петровны, крысы, горностаи, ласочки, волчьи ямы, ветчина, щипцы, ночник, вареники, наливка, Семеновка, маленькие ширмы, балконы, 500 луковиц цветочных, старые тетради, Андрейка и чернослив, пляшущие медведи, числом четыре, очень старая коровница, пол из некрашенных сосновых досок, Улинский (?), Гапки, Оксаны, Ганны, Домахи, пьяные столяры, таковые же башмачники, загоны в лесу, пасеки, бисер, вилочки, экраны, сбруя медная, серые лошади, мед в кадках, землемеры, заячьи следы, два пошире, а два поменьше, бортовая ель перед церковью, Тополевка с Заикевичем, свиньи на улицах, огород с прутиками, означающими четыре стороны света, волшебный фонарь, курицы, моченые яблоки, сумерки с постепенно замирающими сельскими звуками, вдали выстрелы, собачий лай, ночью петухи,

² По-видимому, слова из песни об Отечественной войне 1812 г. См., например, «Гимн, петьый на концерте... 7 дня 1814 года» Ф. Иванова, со словами, обращенными к Кутузову: Хвала, хвала тебе, герой! Попран – растерзан галл тобой!

³ Строка из хора «Гром победы, раздавайся...» Г. Р. Державина.

⁴ «Мое сердце не для вас, потому что оно для другого» (франц.)

ни с того ни с другого кричащие во все горло, пасмурные дни, изморозь, иней на деревьях, внезапно показывающееся солнце, два старых турецких пистолета, рабочие столики, чай на длинном столе, игра в кольцо, которое повешено на палочке и которое надлежит задеть за крючок, вбитый в стену, сушеные караси, клюква, преждевременно рождающиеся младенцы, к невероятному удивлению их отцов, кн. Голицын, брат Павла, живущий в тридцати верстах, наступающий праздник Рождества, литографическая машина, совершенно испорченный орган, также испорченный, сумасшедший механик, множество мух, оживших от теплоты. Множество старых календарей, начиная от 1824 года, бильярд, стоящий в кладовой и вовсе не годный к употреблению, сухие просвиры, живописные пригорки, песчаные, поросшие сосником, чумаки с обозами, вечерницы, мельницы, сукновальни, старый фонарь, старые картузы, модели молотильных машин, портрет кн. Кочубея, портрет графини Канкриной, рапиры, трости из бамбука, курильница в виде древней вазы, алебастровая лампа, старая дробь, огромный диван с двумя шкапчиками, два мохнатых щенка, сушеные зайцы, клетка без птиц и разбитое кругленькое зеркало, – приезжай, Николаюшка, и все увидишь собственными глазами.

Очень прошу тебя устроить, чтобы редакция «Русского вестника» прислала мне журналы: Черниговской губернии, Стародубского уезда, на станцию Елёнку.

*А. К. Толстой – Н. М. Жемчужникову*⁵

Конец ноября – начало декабря 1858 г. Погорельцы

* * *

...Жемчужников был не менее Григоровича изящен, душист, свеж и бодр, несмотря на всю слабость здоровья. Я бывал у него довольно часто, и меня поражала его неизменная ласковость ко мне, чисто отеческая заботливость к каждому стихотворению, которое я печатал при его содействии в «Вестнике Европы».

Он подарил мне «Кузьму Пруткова» и рассказал происхождение этой книги:

– Мы – я и Алексей Константинович Толстой – были тогда молоды и непристойно проказливы. Жили вместе и каждый день сочиняли по какой-нибудь глупости в стихах. Потом решили собрать и издать эти глупости, приписав их нашему камердинеру Кузьме Пруткову, и так и сделали, и что же вышло? Обидели старика так, что он не мог простить нам этой шутки до самой смерти! Хотели мило пошутить, а обидели кровно...

И. А. Бунин

⁵ В. М. Жемчужников (1824–1909) – двоюродный брат А. К. Толстого, один из создателей Козьмы Пруткова. В письме ярко чувствуется та атмосфера, в которой братья Жемчужниковы и А. К. Толстой создавали произведения Козьмы Пруткова.

...Репортер одной из газет задал Алексею Михайловичу Жемчужникову⁶ вопрос – Чем вы объясняете эту изумительную популярность, которую приобрели все ваши шутки, афоризмы и пр., подписанные псевдонимом «Кузьма Прутков»? – Да как вам сказать? Думаю потому, что все наши шутки носили на себе незлобивый характер, смеялись мы искренно, личностей не задевали. Алеша (гр. А. Толстой) был парень очень остроумный, брат Володя тоже... бывало, иной раз оба они начнут острить, так ведь откуда что берется? Так и сыплют, так и сыплют остротами. В книжке нашей, которую мы выпустили, наверно, десятой доли не собрано тех острот, которые на своем веку изрекли они оба. Это прямо-таки был фонтан остроумия; бывало, говоришь им: «да заткни фонтан, дай ему отдохнуть», а они еще больше, еще больше... Да, родной мой!.. – вздохнул наш собеседник: – чудное было время, невозвратное время...

...Когда мы уже все написали, мы не знали, каким псевдонимом подписать эту общую нашу пьесу. Служил у нас тогда камердинером Кузьма Фролов, прекрасный старик, мы все его очень любили. Вот мы с братом Владимиром и говорим ему: «Знаешь что, Кузьма, мы написали книжку, а ты дай нам для этой книжки свое имя, как будто ты ее сочинил... А все, что мы выручим от продажи этой книжки, мы отдадим тебе». Он согласился. «Что ж, говорит, я, пожалуй, согласен, если вы так очинно желаете... А только, говорит, дозвольте

⁶ А. М. Жемчужников (1821–1908) – поэт, двоюродный брат А. К. Толстого.

вас, господу, спросить: книга-то умная аль нет?» Мы все так и прыснули со смеха. «О, нет! говорим: книга глупая, преглупая». Смотрим, наш Кузьма нахмурился. «А коли, говорит, книга глупая, так я, говорит, не желаю, чтобы мое имя под ей было подписано. Не надо мне, говорит, и денег ваших»... А? Как вам это понравится? Когда брат Алексей (гр. А. Толстой) услышал этот ответ Кузьмы, так он чуть не умер от хохота и подарил ему 50 руб. «На, говорит, это тебе за остроумие». Ну, вот мы тогда втроем и порешили взять себе псевдоним не Кузьмы Фролова, а Кузьмы Пруткова. С тех пор мы и начали писать всякие шутки, стишки, афоризмы под одним общим псевдонимом Кузьмы Пруткова.

Вот вам и происхождение нашего псевдонима...

ЭПИГРАММА № 1

«Вы любите ли сыр?» – спросили раз ханжу,
Люблю, – он отвечал, – я вкус в нем нахожу.

1854

ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА

Греческое стихотворение

Я недавно приехал в Коринф...
Вот ступени, а вот колоннада!
Я люблю здешних мраморных нимф
И истмийского шум водопада!

Целый день я на солнце сижу,
Трусь елеем вокруг поясицы,
Между камней паросских слежу
За извивом слепой медяницы;

Померанцы растут предо мной,
И на них в упоенье гляжу я;
Дорог мне вожделенный покой,
«Красота, красота!» – все твержу я...

1854

ИЗ ГЕЙНЕ

Вянет лист, проходит лето,
Иней серебрится.
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.

Погоди, безумный! снова
Зелень оживится...
Юнкер Шмидт! Честное слово,
Лето возвратится.

1854

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра,
Спит Эстремадура!

Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.

Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколаду.

Закурю сигару я,
Лишь взойдет луна...
Пусть дуэнья старая
Смотрит из окна.

За двумя решетками
Пусть меня клянет,
Пусть шевелит четками,
Старика зовет.

Слышу на балконе
Шорох платья... чу!
Подхожу я к донне,
Сбросил епанчу.

Погоди, прелестница,
Поздно или рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана!

О сеньора милая!
Здесь темно и серо...
Страсть кипит унылая
В вашем кавальеро.

Здесь, перед бананами, —
Если не наскучу, —
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

И на этом месте,
Если вы мне рады, —
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.

Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире,

Об улыбках, взорах,
Вечном идеале,
О тореадорах
И об Эскурьяле...

Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра,
Спит Эстремадура

Подражание Гейне

На взморье, у самой заставы,
Я видел большой огород:
Растет там высокая спаржа,
Капуста там скромно растет.

Там утром всегда огородник
Лениво проходит меж гряд;
На нем неопрятный передник,
Угрюм его пасмурный взгляд.

Польет он из лейки капусту,
Он спаржу небрежно польет,
Нарежет зеленого луку
И после глубоко вздохнет.

Намедни к нему подъезжает
Чиновник на тройке лихой;
Он в теплых высоких галошах,
На шее лорнет золотой.

«Где дочка твоя?» – вопрошает
Чиновник на тройке лихой;
Он в теплых, высоких галошах,
На шее лорнет золотой.

«Где дочка твоя?» – вопрошает
Чиновник, прищурясь в лорнет;
Но, дико взглянув, огородник
Махнул лишь рукою в ответ.

И тройка назад поскакала,
Сметая с капусты росу;
Стоит огородник угрюмо
И пальцем копает в носу.

ОСАДА ПАМБЫ

Романсеро с испанского

Девять лет дон Педро Гомец,
По прозванию: Лев Кастильи,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаюсь.

И все войско дона Педра —
Девять тысяч кастильянцев —
Все, по данному обету,
Не касаются мясного,
Ниже хлеба не снедают,
Пьют одно лишь молоко...

Всякий день они слабеют,
Силы тратя попустому,
Всякий день дон Педро Гомец
О своем бессилье плачет,
Закрываясь епанчою.

Настает уж год десятый, —
Злые мавры торжествуют,

А от войска дона Педра
Налицо едва осталось
Девятнадцать человек!

Их собрал дон Педро Гомец
И сказал им: «Девятнадцать!
Разовьем свои знамена,
В трубы громкие взыграем
И, ударивши в литавры,
Прочь от Памбы мы отступим!

Хоть мы крепости не взяли,
Но поклясться можем смело
Перед совестью и честью,
Не нарушили ни разу
Нами данного обета:
Целых девять лет не ели,
Ничего не ели ровно,
Кроме только молока!»

Ободренные сей речью,
Девятнадцать кастильянцев,
Все, качаяся на седлах,
В голос слабо закричали:
«Sancto Jago Compostello!»⁷

⁷ Святой Иаков Компостельский! – Ред.

Честь и слава дону Педру!
Честь и слава Льву Кастильи!»

А каплан его Диего
Так сказал себе сквозь зубы:
«Если б я был полководцем,
Я б обет дал есть лишь мясо,
Запивая сантуринским!»
И, услышав то, дон Педро
Произнес со громким смехом:
«Подарить ему барана —
Он изрядно подшутил!»

1854

ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК

Люблю тебя, дева, когда золотистый
И солнцем облитый ты держишь лимон,
И юноши зрю подбородок пушистый
Меж листьев аканфа и белых колонн!

Красивой хламиды тяжелые складки
Упали одна за другой:
Так в улье шумящем вокруг раненой матки
Снует озабоченный рой.

1854

ИЗ ГЕЙНЕ

Фриц Вагнер, студьозус из Иены,
Из Бонна Иеронимус Кох
Вошли в кабинет мой с азартом, —
Вошли, не очистив сапог.

«Здорово, наш старый товарищ!
Реши поскорее наш спор:
Кто доблестней, Кох или Вагнер?» —
Спросили с бряцанием шпор.

«Друзья! Вас и в Иене и в Бонне
Давно уже я оценил.
Кох логике славно учился,
А Вагнер искусно чертил».

Ответом моим недовольны,
«Решай поскорее наш спор!» —
Они повторяли с азартом
И с тем же бряцанием шпор.

Я комнату взглядом окинул
И, будто узором прельщен,
«Мне нравятся очень обои «—
Сказал им и выбежал вон.

Понять моего каламбура
Из них ни единый не мог,
И долго стояли в раздумье
Студьозусы Вагнер и Кох.

1854

ЗВЕЗДА И БРЮХО

Басня

На небе вечерком светилася Звезда.
Был постный день тогда:
Быть может, пятница, быть может, среда.
В то время по саду гуляло чье-то Брюхо
И рассуждало так с собой,
Бурча и жалобно и глухо:
«Какой
Хозяин мой
Противный и несносный!
Затем что день сегодня постный,
Не станет есть, мошенник, до звезды!
Не только есть! Куды!
Не выпьет и ковша воды!
Нет, право, с ним наш брат не сладит...
Знай бродит по саду, ханжа,
На мне ладони положи...
Совсем не кормит, – только гладит!»
Меж тем ночная тень мрачней кругом легла.
Звезда, прищурившись, глядит на край окольный:
То спрячется за колокольной,
То выглянет из-за угла,
То вспыхнет ярче, то сожмется...
Над животом исподтишка смеется.

Вдруг Брюху ту Звезду случилось увидеть,
Ан хватъ!
Она уж кубарем несется
С небес долой
Вниз головой
И падает, не удержав полета,
Куда ж? в болото!
Как Брюху быть! кричит: ахти да ах!
И ну ругать Звезду в сердцах!
Но делать нечего! другой не оказалось...
И Брюхо, сколько ни ругалось,
Осталось
Хоть вечером, а натошах.

Читатель! басня эта
Нас учит не давать без крайности обета
Поститься до звезды,
Чтоб не нажить себе беды.
Но если уж пришло тебе хотенье
Поститься для душеспасенья,
То мой совет —
Я говорю тебе из дружбы —
Спасайся! слова нет!
Но главное: не отставай от службы!
Начальство, день и ночь пекущееся о нас,
Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.

Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный
и скромный.

Тогда в день постный, в день скоромный,
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом,
Ибо кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде?

1854

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

(Который будет издан вскоре при полном собрании моих сочинений)

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг;⁸
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого власы подъяты в беспорядке,
Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом припадке, —
Знай, — это я!
Кого язвят со злостью, вечно новой
Из рода в род;
С кого толпа венец его лавровый
Безумно рвет;
Кто ни пред кем спины не клонит гибкой, —
Знай — это я:
В моих устах спокойная улыбка,
В груди — змея!..

1856

⁸ Вариант: на моем фрак. — Примеч. Козьмы Пруткова.

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

(Как будто из Гейне)

Помню я тебя ребенком, —
Скоро будет сорок лет! —
Твой передничек измятый,
Твой затянутый корсет...

Было так тебе неловко!..
Ты сказала мне тайком:
«Распусти корсет мне сзади, —
Не могу я бегать в нем!»

Весь исполненный волненья,
Я корсет твой развязал, —
Ты со смехом убежала,
Я ж задумчиво стоял...

1860

* * *

В борьбе суровой с жизнью душевной
Мне любо сердцем отдохнуть,
Смотреть, как зреет хлеб насущный
Иль как мостят широкий путь.

Уму легко, душе отраднo,
Когда увесистый, громадный,
Блестящий искрами гранит
В куски под молотом летит!

Люблю подчас подсесть к старухам,
Смотреть на их простую ткань,
Люблю я слушать русским ухом
На сходках уличную брань!

Вот собрались. – Эй, ты, не мешкай!
– Да ты-то что ж? Небось устал!
– А где Ермил? – Ушел с тележкой!
– Эх, чтоб его! – Да чтоб провал...!
– Где тут провал? – Вот я те, леший!
– Куда полез? Знай, благо пеший!
– А где зипун? – Какой зипун?
– А мой. – Как твой? – Эх, старый лгун?
– Смотри задавят! – Тише, тише!
– Бревно несут! – Эй вы, на крыше!
– Вороны! – Митька! Амельян!

– Слепой! – Свинья! – Дурак! – Болван!

И все друг друга с криком вящим
Язвят в колене восходящем.

Ну, что же, родные?
Довольно ругаться!
Пора нам за дело
Благое приняться!
Подымайте дружно
Чугунную бабу!

Всё будет досужно,
Лишь песня была бы!
Вот дуются жилы,
Знать, чуют работу!
И сколько тут силы!
И сколько тут поту!
На славу терпенье,
А нега на сором!

И дружное пенье
Вдруг грянуло хором:
«Как на сытном-то на рынке
Утонула баба в крынке,

Звали Мишку на поминки,
Хоронить ее на рынке,
Ой, дубинушка, да бухни!
Ой, зеленая, сама пойдет!
Да бум!
Да бум!
Да бум!»

Вот поднялась стопудовая баба,
Всё выше, выше, медленно, не вдруг...
– Тащи, тащи! Эй, Федька, держишь слабо!
– Тащи еще! – Пускай! – И баба: бух!

Раздался гул, и, берег потрясая,
На три вершка ушла в трясину свая!
Эх бабобитье! Всем по нраву!
Вот этак любо работать!
Споем, друзья, еще на славу!

И пенье грянуло опять:
«Как на сытном-то на рынке
Утонула баба в крынке» и пр.
Тащи! Тащи! – Тащи еще, ребята!
Дружней тащи! Еще, и дело взято!
Недаром в нас могучий русский дух!
Тащи еще! – Пускай! – И баба: бух!

Раздался гул, и, берег потрясая,
На два вершка ушла в трясины свая!

Начало 1860-х гг.